

11 ЯНВ 1959

(Окончание. Начало см. в № 6, 7)

3 А МНОИ с некоторым интервалом гонится кондуктор, также перепрыгивая с крыши на крышу. К тому времени, когда я перепрыгиваю на крышу последнего вагона, поезд въезжает на мост. Таким образом, в кадре начинают появляться фермы моста. Весь снимающийся состав поезда за время нашего бега по крышам въезжает на мост. Над крышей последнего вагона, куда я перепрыгнул, появляется крайняя ферма. Я с крыши вагона, подпрыгивая, ухватываюсь за последнюю ферму и на руках повисаю на ней. Поезд с кондуктором, грозившим мне с крыши последнего вагона, уходит дальше и дальше, а моя фигура — если смотреть с удаляющегося поезда, становится все меньше, продолжая висеть на ферме. Одной рукой я приветственно машу кондуктору. Фигура становится совсем маленькой. Затемнение.

Режиссер вообще не захотел снимать этой сцены. Когда же я настаивал, увлеченный эффектным кадром, а оператор меня поддерживал, то режиссер ушел со съемки, сказав: «Снимайте сами». Во все время съемки он отсутствовал, сидя поодаль у других путей и развлекаясь тем, что давил медные пятачки под проходившими поездами. Мы провели съемку сами. Сняли сцену два раза. Самое неприятное было не в том, что надо было перепрыгивать с вагона на вагон, а потом хвататься за железную ферму и отрывать от уходящего поезда. Главная неприятность заключалась в том, что при абсолютной неподготовленности к такой съемке, надо было висеть, уцепившись за ферму моста все то время, в которое поезд уходил на нужное для съемки расстояние, останавливался, всем составом подавал назад и снова останавливался подо мной, с тем, чтобы я мог спрыгнуть на одну из крыш. Итак, мне пришлось висеть подобным образом дважды минуты по четыре каждый раз. Так как я не доверял своим мускулам, то я сцеплял руку с рукой и довольно острые края фермы врезались мне в кожу, оставляя кровоподтеки. Через два дня оказалось, что из съемок ничего не получилось, так как оператор благодаря своей неопытности вертел ручку аппарата недостаточно замедленно и сцена оказалась снятой из-за этого в тягучем, неубедительном темпе. Дождавшись, когда у меня немного заживут руки, мы заново пересняли эту сцену. Мне не пришлось дожидаться возвращения поезда, так как к ферме была незаметно привязана веревочная лестница, по которой я и спускался, когда поезд уходил на нуж-

Игорь ИЛЬИНСКИЙ.

САМ О СЕБЕ

ное для съемки расстояние. Оператор снял сцену более замедленно, и она вошла в картину.

Кто бы мог подумать, что нужны сноровка и своеобразный опыт для того, чтобы хорошо заснять вот такую простую сцену рыбной ловли: актер вытаскивает из воды большую рыбу, которая трепыхается у него в руках. Казалось бы, само собой разумеется, что рыба заранее насаживается на крючок, пускается в воду, а актер в нужный момент ее вытаскивает и она, естественно, трепыхается у него в руках. Практически по-

лучается следующее. В магазине из садка покупаются четыре рыбы — покупаются уже в полусонном состоянии. Их везут к месту съемки в грузовике в какой-либо бочке или чане — и вот уже две из них лежат сверху брюхом. Рыбы для большей бодрости и жизнеспособности опускаются на месте съемок в воду озера или реки, где предстоит съемка. Одна из них к началу съемки так и плавает сверху брюхом. Другая перевернулась, но почти не двигается. Третья и четвертая бодро пошевеливают хвостами. Администраторы и ассистенты, «ответственные за рыбу», хвастают своей предпринимательностью и боями, которые им пришлось выдержать с дирекцией и бухгалтерией, требовавшими ограничиться в порядке борьбы за экономию одной, ну, максимум, двумя рыбами. Наступает время единственной и вместе с тем

и генеральной репетиции. Ассистенты отцепляют наиболее бодрую рыбу и прикрепляют ее на удочку актера. На генеральной репетиции вытаскиваемая рыба довольно вяло взмахивает хвостом в руках актера, но через две минуты она лежит уже еле дыша, безжизненно и тяжело свешиваясь хвостом; лежит, никак не играя на руках актера. «Давайте свежую рыбу!» — кричит режиссер. Ассистенты с помощью директора картины отцепляют вторую и последнюю бодрую рыбу, но она довольно вяло ускользает из их рук и также вяло, но навсегда исчезает в темных водах. Нужно ли досказывать, что оставшаяся последняя рыба плавает вверх брюхом, не проявляя абсолютно никакой уже активности. Вот как сложно бывает добиться на съемке самого простого эффекта.

В этом примере самым горьким является то, что, впервые встретив такую рыбную ловлю в фильме «Заключенный из Торжка» в 1924 году, я в течение тридцати лет несколько раз наблюдал аналогичные сцены на других киносъемках, и, наконец, через тридцать лет на съемке в Ленинграде снова сам принимал участие в такой же «рыбной ловле». Не будем говорить сейчас о том, как нужно организовать подобную съемку. Это уж не так интересно для читателя. Я хочу показать этим примером, что даже для такого пустяка нужен опыт и нужна соответствующая «технология». Мне скажут: «Но ведь это несущественно. Это ведь действительно пустяки». Тут я должен сказать, что из пустяков и складывается комедия. Если в драме не так уже существенно, что рыба не будет трепыхаться, а только мелькнет в кадре, вытаскиваемая из воды, если в драме внимание приковано не к поимке рыбы, а к другим событиям, более важным и нужным по ходу действия, то в комедии бывает важен и такой пустяк, как трепыхание рыбы. Если внимательнее подумать, то важно и то, чтобы она затрепыхалась в нужный момент, ибо именно в комедии, как нигде, всякое промедление смерти подобно. Смерти подобно для смеха, который умирает в комедии при любой — пусть самой малейшей — неточности.

Вот какое внимание к разным мелочам, вот какая утомительная возня с пустяками и, казалось бы, несущественными подробностями, необходимы для энтузиастов комедии, для людей, желающих серьезно и успешно над ней работать. Есть, конечно, люди, которые считают все эти мелочи детскими игрушками, ненужными и несущественными для дела развития комедии. Но я, начиная говорить о кинокомедии, хочу начать с этих мелочей, которые именно на первых шагах работы над ней, право, имеют немалое значение.